

Глава I BELLUM CIMBRICUM (113-101 ГГ. до н. э.)

Германские, кельтские и славянские племена, жившие за Рейном и Дунаем, предки основного населения современной Европы, в течении нескольких веков были главными противниками Римской республики, а затем Империи, и в конце концов, стали основными участниками уничтожения Западной Римской империи и всего античного мира в целом.

Рим впервые вошёл в соприкосновение с представителями зарейнских племён в конце III в. до н. э. во время войны с галлами долины реки Пад. По крайней мере, именно тогда появляется первое упоминание германцев в римских исторических памятниках. Латинский текст гласит: «Марк Клавдий, сын Марка, внук Марка, Марцелл в 531 г., будучи консулом, 1 марта победил инсубрийских галлов и германцев. При этом захватил большую добычу, ибо убил при Кластидиуме предводителя врагов Вирдумара».

Надпись говорит о знаменитой битве при Кластидии, состоявшейся в 222 г. до н. э. и победоносно для римлян завершившей войну с галлами. В тот год галлы-инсубры наняли себе в помощь воинов из-за Альп, среди которых, как мы видим, оказались и германцы. Интересно, что знаменитый Полибий, описавший эту войну, имени германцев среди противников Рима не упоминает. Отсюда возникло подозрение в подлинности надписи Марцелла.

Однако, ничего невозможного в участии наёмников-германцев в европейских войнах того времени нет. Также, как и в названии германцев. Скорее всего, римляне переняли это название именно у галлов.

Мелкие разрозненные племена, жившие за сильными галльскими народами, поначалу не вызвали у римлян никакого интереса. Они определились, что «германцы» живут к востоку от большой реки Ренус (Рейн) и ограничились пока этим. Мало того. Римляне начали называть германцами всех людей, живших за Рейном и Дунаем, во втором случае от его истока до среднего течения. Эта традиция у римлян чётко прослеживается до самого Тацита, который начал сомневаться в том, что германцы – это отдельные племена, а не народ.

ваться в германской принадлежности зарейнских и задунайских племён, но всё же сохранил за всеми ними имя германцев. В целом, для населения и властей Римской империи, термин «германцы» сохранил своё значение до самой гибели Рима. Попытки отдельных историков и географов уточнить этническую принадлежность зарейнского населения не меняли общей картины. В конце концов, у римских границ действительно жили большей частью германцы и именно с ними Рим вёл большинство войн.

Пусть римляне были неправы и за Рейном тогда жили не только германцы, а, может быть, поначалу, даже, и не столько германцы, но Риму до этого дела не было. Сначала он боролся за само своё существование в смертельной схватке с Ганнибалом, потом его легионы занялись завоеванием Испании, Балкан, Африки и Малой Азии. Несомненно, во многих из этих войн германцы участвовали в качестве наёмников, но не как самостоятельная сила. Даже при завоевании Нарбоннской Галлии в 125–121 гг. до н. э. римляне не обратили внимания на северных варваров.

Однако, через несколько лет всё изменилось. Очень скоро зарейнские племена стали одними из самых опасных врагов Рима.

Первым столкновением римлян с германскими племенами официально считается Кимбрская война (*Bellum Cimbricum*, 113–101 гг. до н. э.).

Внешнеполитическая обстановка для Рима складывалась тогда следующим образом. В 120-х годах до н. э. владения Римской республики расширились в сторону Галлии. Разгромив галльские племена саллювиев (саллиев), аллобров и арвернов, Рим основал здесь приморскую провинцию Нарбонская Галлия, протянувшуюся полосой вдоль Средиземного моря от Западных Альп до Пиренеев. Но большая часть Галлии ещё осталась за местными кельтскими племенами.

На Балканах Рим, завоевавший ранее Македонию и Грецию, продвигался на север в сторону Дуная. Была покорена Далмация, начались бои во Фракии с кельтами-скордисками.

В 113 году до н. э. в северной Африке обострилась междуусобная война между нумидийскими правителями Югуртой и Адгербалом, сыновьями царя Массиниссы. Рим поддерживал Адгербала и когда тот был казнён Югуртой в 112 году до н. э., сенат послал в Афику 4 легиона.

Югуртинская война (111–105 гг. до н. э.) стала главной войной Римской республики в это время. Туда было направлено основное внимание Сената, туда отправлялись лучшие войска и лучшие полководцы Республики. Наконец, Югурта был взят в плен и война выиграна, но её успешное окончание совпало с серьёзной угрозой, нависшей над Италией в результате гибели сразу двух римских армий в сражении с кимбррами близ Араузиона на нижнем Родане. По словам Плутарха: «Вместе с известием о пленении Югурты в Рим пришла молва о

кимбрах и тевтонах; сперва слухам о силе и многочисленности надвигающихся полчищ не верили, но потом убедились, что они даже уступают действительности. В самом деле, только вооруженных мужчин шло триста тысяч, а за ними толпа женщин и детей, как говорили, превосходившая их числом. Им нужна была земля, которая могла бы прокормить такое множество людей, и города, где они могли бы жить... Что же касается численности варваров, то многие утверждают, будто их было не меньше, а больше, чем сказано выше.» [Плутарх, «Гай Марий», 11].

Другими словами, Рим «проспал» куда более серьёзную угрозу, чем нумидийский царь Югурта, никак не угрожавший непосредственно Италии. Заигравшись в политические игры, Сенат серьёзно недооценил реальную опасность, возникшую на севере.

Вот что Плутарх сообщает о кимбрах: «...о них было неизвестно, что это за люди или откуда они надвинулись и, как туча, напали на Галлию и Италию. По большей части предполагали, что это германские племена, расселившиеся вплоть до Северного океана: у них высокий рост и голубой цвет глаз...» [Плутарх. Марий., XII].

Страбон добавляет: «Что касается кимбров, некоторые вещи, которые о них рассказывают, неточны, а другие истории совершенно невероятны.» [Страбон, География 7.2.1]

Хотя античные авторы относили кимбров к германцам, указывая на их нахождение в Ютландии, современные историки обращают внимание на ряд черт, сближающий кимбров с кельтами [Щукин М. Б., Еременко В. Е. К проблеме кимбров, тевтонов и кельтоскифов. // АСГЭ. – 1999. – № 34. – С. 134–160.].

Замечено, что кимбры и тевтоны выступают в сильно кельтизированном виде. Их вожди носят кельтские имена – Бойорикс, Кезарикс, Лугиус.

Похоже, что и говорили они на кельтских языках, и одевались на кельтский манер. Так, римлянин Серторий, собираясь на разведку во вражеский лагерь под Аквами Секстиевыми, учил именно кельтский язык и одевался по-кельтски, чтобы не отличаться от тевтонов [Плутарх. Серторий, 3]. Кимбры и тевтоны, как и кельты, сражались полуобнаженными и имели кельтское вооружение – шлемы, украшенные изображениями животных, тяжелые длинные мечи и большие щиты. Кимбры, переходя Альпы, «взирались на вершины гор по глубокому снегу и льду, а оттуда, подложив под себя щиты, стремительно неслись по скользкой крутизне» [Плутарх. Марий, 23]. У более поздних германцев, а также обитателей северной Европы позднего предримского времени щиты сравнительно небольшие, круглые или овальные, с выпуклым умбоном. На таком щите с горы не съедешь. А вот кельтские большие щиты типа «тюреос» с продольным ребром и почти плоским умбоном вполне могли послужить и санками.

Совместными усилиями лингвистов и археологов установлено, что на территории между Рейном и Дунаем на рубеже эр обитали группы населения, ставшие впоследствии как прямыми предками современных германцев, так и представителями неких «третьих» народов «между кельтами и германцами», а также остатки прежнего индоевропейского населения. «Третий» народы между кельтами и германцами в тех местах живут по сей день и называются славянами. Несомненно, что они и тогда составляли значительную часть населения Центральной Европы. Иначе невозможно объяснить их широкого распространения. А остатки прежнего населения Европы были ассимилированы или вытеснены на окраины Европы и сохранились сейчас лишь в Албании.

Вряд ли северные варвары, будь они германцами, успели так сильно кельтизироваться за 12 лет непосредственных контактов с кельтами гельветами и амбронами. Вернее будет предположить, что кимвры и тевтоны были выходцами из уже кельтизированного, латенизированного мира древней Европы. Кроме того, если бы даже всё германское население древней Дании выселилось из неё на рубеже II-I вв. до н.э., там никак не набралось бы 300 тысяч воинов. Значит, в переселении участвовали больше народов, чем нам известно, а скорее всего – все, жившие в междуречье Эльбы и Одера, на балтийском Поморье и в южной Скандинавии.

Страбон пишет, что кимвры «совершали походы даже до области Меотиды» и что греки называли кимвров киммерийцами [Страбон. География VII, 2, 2]. Созвучны и данные Плутарха: «Кельтика такая обширная и большая страна, что она от Внешнего океана и холодных краев идет в сторону солнечного восхода и Меотиды, где граничит с Понтийской Скифией. Именно оттуда, где смешались эти племена, они выселились не одним непрерывным написком, но каждое лето, двигаясь все вперед и воюя, прошли материк за большой промежуток времени. Поэтому, хотя они делились на много частей с разными названиями, все их войско в совокупности называлось кельтоскифами... Те киммерийцы, которые в древности впервые стали известны грекам, были не большей частью своего народа, а только группой беглецов... Самые же многочисленные и воинственные из них живут на краю света, у Внешнего моря и занимают тенистую и лесистую землю... вплоть до Герцинского леса... именно оттуда возникло наступление на Италию этих варваров, называвшихся сначала киммерийцами, а потом очень кстати кимврами» [Плутарх. Марий, 11].

Чуть выше Плутарх пояснял, что «кимврами германцы называли разбойников». А это значит, что германцы не считали кимвров «своими». В этой связи возникает мысль, не скрывается ли за этим названием понятие не столько этноплеменное, сколько этносоциальное, наподобие викингов или варягов более позднего времени. Но нет. Кимвры начали переселение всем народом, с жен-

щинами и детьми. Это не был набег или даже дальний поход воинов. Это было переселение народа, а значит кимвры были народом.

Тогда логика этого, кажущегося с первого взгляда запутанным, пассажа становится яснее. К Посидонию Апамейскому, а через него к Страбону и Плутарху, очевидно, поступала противоречивая информация. С одной стороны, кимвры вышли из северных краёв Европы, с другой – они начинали движение откуда-то с востока, от Меотиды, из Скифии. Нетрудно заметить, что область, в которой расселяют киммерийцев Плутарх, в общем и целом совпадает с зоной распространения латенизированных культур – между Балтикой, Герцинским лесом и Меотидой в широком понимании этого термина, как всего Причерноморья. В ее восточной части происходит смешение кельтов (носителей латенизированных культур) и скифов, отсюда появляются «кельтоскифы» Плутарха.

Таким образом, если представить, что в нападении на Кельтику и Рим принял участие все население «третьего мира» Европы (отсюда и огромные размеры армии), то кажущиеся странными и несуразными свидетельства Посидония, Страбона и Плутарха будут выглядеть не столь уж фантастическими. Полчища варваров, вероятно, состояли из народов кельтского, германского и славянского происхождения, перемешанных между собой и с другими народами древней Европы, типа фракийцев и балтов. Это мог быть этакий протонарод, который так и не смог окончательно сложиться в силу полного разгрома римлянами и потерии объединяющего его ядра. Это объединяющее ядро как раз и могло называться кимврами. Причём, как раз германцы были незначительным меньшинством в этом конгломерате.

Между прочим датские и итальянские популяционные генетики провели исследование митохондриальной и Y-хромосомной ДНК жителей северной Ютландии и германоязычной этнической группы «цимбар» («cimbri» по-итальянски), живущих в долине реки Адиdge на севере Италии. И не обнаружили генетического сходства «цимбар» с датчанами. Значит, несмотря на языковое сходство, это люди различного происхождения. И значит, германцы датчане не родственны древним кимврам.

А вот ДНК-генеалогия показала, что в I в. до н. э. в Ютландии появилась группа переселенцев – носителей гаплогрупп R1a1 и Q1a3, положившая начало новым генеалогическим линиям, впоследствии вошедшим в состав норвежцев и датчан. Этой группой, несомненно, были остатки кимвров. И пришли они в Ютландию с востока Европы, с Русской равнины. Гаплогруппы их потомков указывают на азиатское происхождение этого народа.

Повторим. Устойчивое представление о кимврах как германцах никак не подтверждается на современном уровне знаний. Кимвры не были германцами, но римлянам во II веке до нашей эры некогда было вникать в детали этнических

процессов Центральной и Восточной Европы. Они «знали», что за Рейном и Дунаем живут «германцы» и этого им было достаточно.

Теперь выясним причину нашествия кимвров на запад Европы. По версии, высказанной Посидонием, кимвры отправились всем народом в поход, когда море стало затоплять их жилища на берегу Северного моря. Посидоний был современником событий, наверняка встречался с пленными кимврами и его известиям можно доверять. Правда Страбон высмеивает это предположение, но он имеет в виду только приливы и отливы, не зная о том, что побережье Северной Европы действительно постепенно затапливается морем. А низменное побережье Ютландии могло затопляться очень быстро, что и заставило значительную часть местных племён уйти в поисках новых земель. Возможно, именно так кимвры Ютландии стали ядром массового переселения разноязыких племён, живших южнее и восточнее.

Но, понятно, что проблемы ютландцев не могли заставить «третий мир» Европы отправиться в масштабное переселение. Ютландцы лишь спровоцировали давно назревавшую миграцию, вызванную многими причинами, но сконцентрировавшуюся вокруг процесса формирования нового протонарода, ищущего себе новых земель и первых эпических подвигов, без которых народы не возникают.

Маршрут движения кимвров до столкновения их с римлянами изложил Страбон со ссылкой на того же Посидония [Страбон, География VII. 2. 2]. Огромная орда двигалась вместе с женщинами и детьми, со всей своей утварью и скотом. Жилищем людям служили повозки. Они же, в случае надобности, составленные в круг, играли роль укрепленного лагеря, этакого русского «гуляй-поля» или «китай-города». Военный строй и вооружение кимвров были довольно примитивны. Они нападали на врага сплоченной массой, причем воины переднего ряда в опасных битвах связывали себя веревками. Кимвры были страшны своей храбростью, граничившей с полным презрением к смерти, стремительностью натиска и, особенно, своей многочисленностью.

Если всё происходило примерно так, то целью кимвров могли быть только Галлия, Иберия и, в крайнем случае, Италия. Восток был занят сильными праславянскими и скифо-сарматскими народами, Балканы, как мы увидим, также оказались крепким орешком. Нынешняя Германия была сплошным болотистым лесом, а север в силу похолодания и опускания стал малопригодным для жизни. Основным богатством кимвров в широком смысле был скот и всё говорит о том, что они искали удобных пастищ.

Сначала кимвры двинулись на юг и юго-восток по направлению к Балканам и вошли в земли бойев. Кельты бойи стали первыми, на кого напали кимвры. Бойи жили в Герцинском лесу, на территории современной Чехии, куда они были вынуждены выселиться, будучи изгнанными римлянами почти 80 лет на-

зад (192 г. до н.э.) из Италии. Военную силу бойи, вероятно, представляли собой немалую, поскольку им удалось отбить нападавших, ещё не сформировавших сильную единую армию.

Тогда кимвры свернули влево и, форсировав Дунай, двинулись на юг в земли кельтов скордисков, населявших Паннонию. Не исключено, что поход скордисков на юг Балкан в 119-118 гг. до н.э. был вызван именно нападением кимвров. Скордиски могли искать себе новых земель, опасаясь нашествия кимвров. Что случилось между кимврами и скордисками, мы не знаем, но кимвры, почему-то, повернули на запад и пошли долиной Дуная в соседний Норик, населённый галатскими племенами тевристов и таврисков. Тут-то они и встретились с римлянами.

113 г. до н. э – Начало Кимврской войны известно по фрагменту из «Римской истории» Аппиана [IV 13]. В 113 году до н. э. кимвры, которых Аппиан, известный, как большой путанник, называет тевтонами, вторглись в Норик – альпийские земли на правом (южном) берегу Дуная, населённые племенами кельтского и иллирийского происхождения. По пути они разоряли всё подряд. Консул Гней Папирий Карбон, отвечавший за Цизальпийскую Галлию, на всякий случай занял горные проходы в северо-восточных Альпах севернее Аквилеи, чтобы преградить путь кимврам из Норика в Италию. Однако, они не собирались туда вторгаться, а продолжали двигаться южнее Дуная на запад.

Тогда Карбон сам двинулся на кимвров, обвиняя их в нападении на нориков – друзей римского народа. Возможно, что одно из норикских племён – тавриски и обратились к Риму за помощью. Но, несомненно, что судьба нориков никак не волновала консула римского народа. Это доказывается последующими действиями Карбона.

Дело в том, что узнав о выступлении против них римской армии, кимвры позволили себя миролюбиво, отправив к Карбону послов с извинениями в том смысле, что они не знали о дружбе нориков с Римом и обещали воздержаться от дальнейших на них нападений.

Однако, Карбон не собирался мириться. Консул решил заработать себе военную славу, победив варваров и ожидая увидеть в лице кимвров обычных неорганизованных дикарей, которых его легионы легко разгромят. Роль военной славы в Риме имела огромное значение для карьеры и Карбон, несомненно, ухватился за возможность получить её, не ожидая никаких проблем. Ведь кимвры не были армией Ганнибала, Филиппа или, даже, Юргуты.

Проблема была в том, что кимвры не хотели войны с Римом. Они шли в Галлию и война с лучшей армией тогдашнего мира им была не нужна.

Но легко отделаться от Карбона варварам не удалось. Он хотел триумфа и желания кимвров его абсолютно не интересовали. Консул легко пошёл на подлость, сурово осуждаемую во всех общественных системах. Обнадёжив кимвр-